

Марат
Аваз-Нурзеф

НА ПАЛЬЦАХ ОДНОЙ РУКИ

Писалось с сентября по январь. Пробыло в папке более полувека. По выпускникам-1970 биофака МГУ в августе 2026 года в самое начало манускрипта вставлены заметки и снимки, касательные студенческих и других лет. В следующем же месяце после 5-й главы – по Дню знаний в России, а в Узбекистане ещё и по празднику Мустакиллика (Независимости).

Содержание

Стр.

Подчеркну… ……..……..3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ……..……..4
1 ……..4
Вставкой фотоснимки и пояснения к ним …… ..6
2 ……12
3 ……15
4 ……22
5 ……23
Первый день осени ……24
Почему? – Потому!.. ……26
Фото, 2026-й год, 31 августа, 1-2 сентября …… .30
6 ……33
7 ……36
8 ……38
9 ……42
10 ……47
11 ……52
12 ……..67
13 ……..69

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ……..……71
1 ……71
2 ……77
3 ……..……86
4 ……94
5 ……..……95

Иллюстрации (стр.): 1, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 25, 27, 30-32.

Подчеркну…

Действия в настоящей книге протекают в 1965 году. Основные персонажи – первокурсники биофака МГУ имени Ломоносова, которые недавно были школьниками, затем – абитуриентами. Главные – те из них, кто жаждал попасть на кафедру биофизики. Центральных – двое: Руслан Назаров из провинциального города в Узбекистане и сам Автор.

Автор получил известие 13-го августа 2026 года:

- сейчас абитуриенты в основном просеиваются через олимпиады, победители имеют право быть зачисленными на факультет без экзаменов;
- библиотеки в МГУ и на биофаке действуют по-прежнему;
- но в читальных залах бывает не больше пяти человек;
- нужную литературу берут в основном из интернета и читают на своих устройствах;
- нередко лекции и ведутся онлайн, и прослушиваются в удобное для студента время и в любом месте;
- теперь обучение на биофаке продолжается 6 лет;
- сие есть результат перехода от системы «бакалавр-магистр» к системе «специалист» (можно сказать, возвращение к былому);
- проблема поиска своего направления в биологии остаётся актуальной и сейчас.

Автору все перечисленные пункты интересны. Последнее – особенно. Ибо оно не снимает вопросы целенаправленного воспитания и образования дошкольника, учащегося школы, студента, поставленные Автором, который обозначил и пути их решения.

Да, люди, их поведение, менталитет, ценности, интересы, способы их достижений, – разные поколение за поколением.

Да, смартфоны превратили в своих рабов почти всех от мала до велика.

Да, искусственный интеллект и его носители-роботы в активном марше и наступлении.

Да, видимо, скоро (доживём – убедимся!) будет немало людей, которые, пройдя через горечь неудач отношений с представител(ем)(ьницей) противоположного пола, выберут себе в спутни(ки)(цы) жизни робот(а)(ессу).

Но тягу между юношей и девушкой, о чём в книге есть пронзительная глава, никто и никогда не сможет ни отменить, ни заменить. Этим она, книга, и ценна на веки вечные.

Археологи и палеонтологи находят какие-то артефакты, рисунки, следы, кости, останки, которым несколько тысяч лет, и с гордостью извещают мир о своих открытиях. А в книге – в живых текстах запечатлены живые люди второй половины XX века. *И это – ещё одно неувядающее достоинство книги.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Весна. Руслан Назаров заканчивает школу. В будущем он хочет работать на большом заводе. На каком? Машиностроительном или химическом. Кем? Инженером или конструктором. Ещё у него есть тайное желание заниматься тем, что называется научной работой. В какой области? Физики, а может, химии. О выборе профессии Руслану не с кем посоветоваться. А о желании стать учёным и говорить не смеет, и даже себе признаться стесняется. Но ни у кого не вызывает сомнения, что Назарову непременно следует продолжить образование, что после школы он обязательно должен поступать в вуз. А впрочем, кто в наше время не стремится туда?!

Дальние дали манят Назарова. Там он будет учиться. Там найдёт желанных друзей. Встретит избранницу своей мечты.

Итак, весна. Солнце. Цветы. Освежающие дожди. Пьянящие запахи. А Руслан весь смысл текущих и последующих дней определяет одной единственной надеждой: поступить!

А летом… Летом он будет вынужден перекрыть и те ручейки и речки, которые с весны останутся неперекрытыми. Все воды источника, уносимые в обычное время по разным направлениям и часто без пользы, направит на одно большое поле. Уже десять лет возделывается оно. В этом году должно дать свой самый важный, самый решающий урожай.

Да, скоро Руслан будет напряжённо трудиться, отдавая все свои силы и способности. Почти все. Иногда его мысли, всё-таки оторвавшись от насущных забот, будут то бродить по дорогим улочкам воспоминаний, то опережать время на стремительных крыльях фантазии. Чаще всего Руслан будет предвосхищать в своём сознании тот день, когда он уже студентом вернётся в свой Малчи. И каждый раз будет видеть себя на знакомых улицах. А однажды будет захвачен мыслью, что прохожие не знают, какой высоты он сумел достичь, какую радость несёт в груди.

Радость! Как редко сейчас является ко мне эта спутница исполнения большого желания и достижения заветной цели! То ли желаний и целей не стало, то ли они перестали добираться до успешного решения!

Радость! Неожиданно ко мне она не приходила никогда. Всегда долго готовился ко встрече с ней. А когда она, наконец, являлась, я не мог скрывать – хотя бы перед собой! – что она непохожа на ту, давно взлелеянную в моём воображении. Может, это обижало её? Может, поэтому она так быстро покидала меня? И потому теперь не благоволит мне?

Смогу ли уберечь моего Руслана от подобных рассуждений? Не знаю. Сейчас могу только тешить себя надеждой, что радость – ветреная подруга успеха – не забудет дороги к нему. А смогу ли я в действительности научить его доводить до этой капризной девчонки свой зов, добиваться у неё благосклонности, ждать и дождаться её прихода, встретить с блеском и с готовностью принять заботы, которые она всякий раз приносит с собой, иногда оставляя их, как будто, навсегда, – ничегошеньки пока не знаю. Ведь я ещё и сам не преуспел в этих премудростях. Правда, иной рассказ о неудачах выше некоторых романов о преуспеянии. Но не об этом речь сейчас, достопочтенный мой читатель (заранее прошу прощения, если какие-то мои обороты, выражения, фразы покажутся кое-кому устаревшими, или – Боже упаси! – вычурными…).

Обратимся же к нашему герою.

Подобно подросшему птенцу, пытающемуся вылететь из гнёздышка, Руслан Назаров рвётся из своего родного городишка. И вот – расправляет крылья. Разбегается. Взлетает. Большинство птиц почти всю жизнь проводит в небе. И тебе не уставать, мой проект! Пока не долетишь до какого-нибудь островка в океане, над которым будет лежать твой путь, ни отдохнуть у тебя не будет возможности, ни оглянуться назад – не хватит времени. Велик океан. Но и немало в нём островков. Пустынных и цветущих. Обжитых и безлюдных. Спокойных и бурлящих. Но спеши, спеши долететь, пока ты молод, полон сил и уверенности в своих возможностях, до своего островка. Иначе придётся тосковать в краях чужих, немилых, чуждых.

Может, читатель, вы думаете, что я опять говорю о себе? Нет! Веру в себя я ещё не потерял. Да и никогда того не будет! Признáюсь: сейчас нахожусь на островке раздумий. А на нём долго оставаться нельзя. Ну, поспешу за Русланом. Чтобы незаметно следовать за ним. Зарисовывать интересные моменты его полёта. И все потуги мои, быть может, вскроют предо мной верный азимут к моему заветному островку.

Вставкой фотоснимки и пояснения к ним

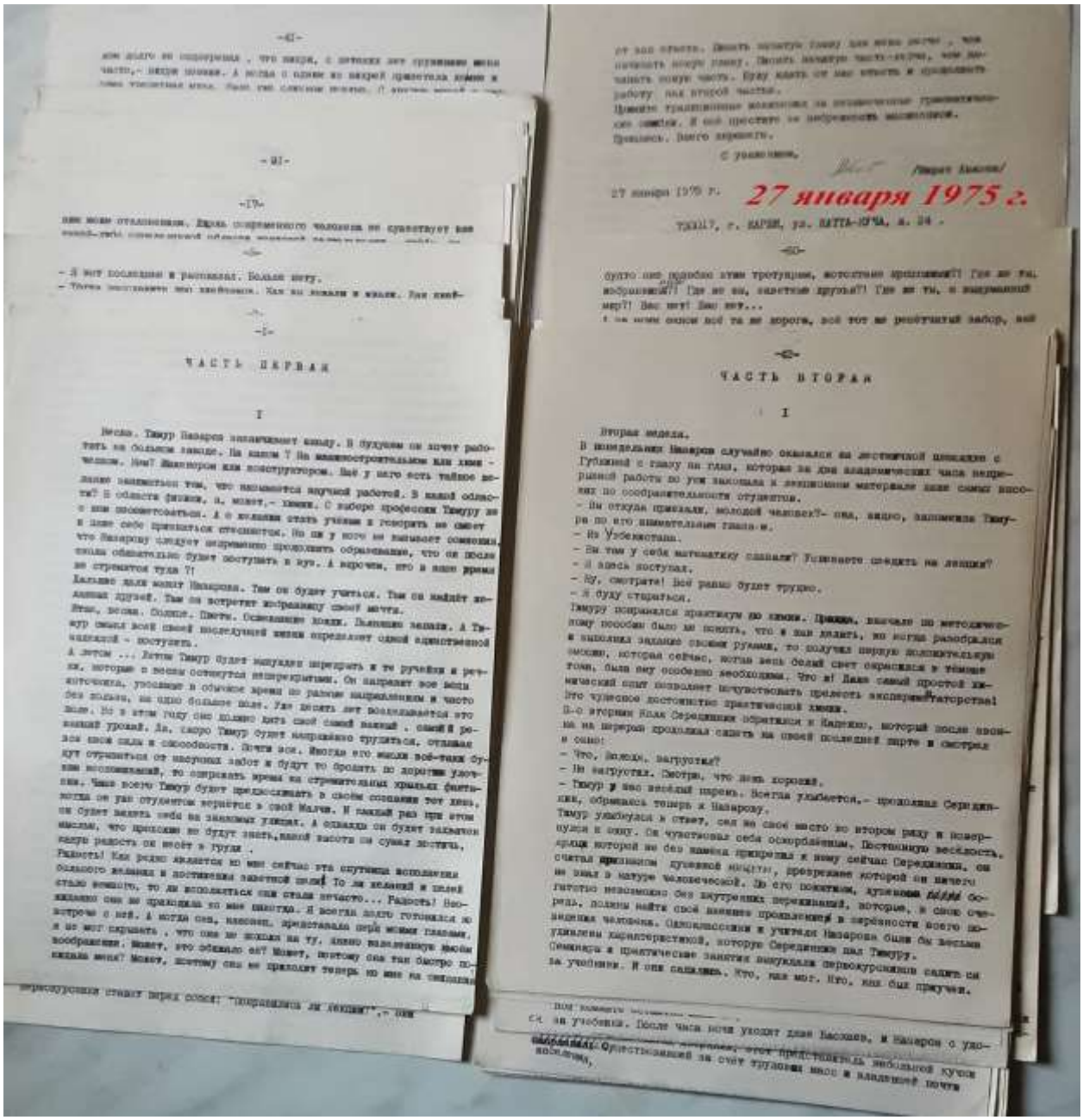

Фото листов А-4 плотной машинописи. 60 страниц. Начало писательства по их созданию – октябрь 1974 года. Прерывание работы – 27 января 75-го. Эта дата повторена на снимке крупным шрифтом красного цвета. Основной персонаж манускрипта шёл как Тимур Назаров. Так он сразу и обозначен в первой же строке: левая стопка листов, Часть первая, глава 1.

Стопку ввожу в память ноутбука, чтобы загрузить сочинение на издательскую платформу «Литрес Авторы»: ***Тимур стал Русланом***. Сейчас – 10 августа 2026-го. *Wow: пролетевшие годы не воспринимаются как полвека с хвостиком!* ***Словно бы-ы-ыло неда-авно, а на деле – давно!.***.

И не могу не отметить, что поражён детальным описанием ББА (Часть-1, глава-8). Ведь я к устройству этой аудитории никогда особо не присматривался. А с декабря 1968-го и на факультете-то бывал редко (в основном пребывал в Институте биохимии, диплом МГУ получил в 71-м). ***Каким же образом вся ББА будто фотографически была запечатлена в моей памяти, что через чуть ли не десятилетие*** *(начало первого курса, когда частенько сиживали в ББА, – это год 65-й)* ***изображение абсолютно верно соответствовало действительности!!!***

ББА, 16 мая 2025 года. Официальная часть встречи выпускников: 60 лет школьному аттестату зрелости и 55 – диплому МГУ.

В *технической яме* (в ней в чёрном костюме стоит мой одногруппник и друг Сергей Ременников) теперь отсутствует громоздкий эпидиаскоп, в студенчестве восхищавший нас как одно из достоинств и преимуществ МГУ (Часть-1, глава-8). Видимо, уже давненько заменён компьютерными средствами демонстрации изображений).

Немало тех, кого здесь нет.

Одних – совсем среди живых.

Иные ж – далеки весьма.

А на этом фото 1980 года – выпускники-1970 в ББА. Десятилетие окончания факультета. Как нас ещё много! Видимо, фотограф попросил рассесться и на ступеньках прохода, чтобы все вошли в кадр. Сергей Ременников – первый в проходе, повернул голову к девушке, руки запястьями положил на колени, а кисти – опущены вниз.

Из названных биофизиков в самом конце данного сочинения (Часть вторая, глава-5) на фото различимы Вахтанг Берия (за Сергеем, чуть слева) и Юрий Федулов (выше, через двоих после Вахтанга).

Ниже представлю ещё три фотографии с моими биофизиками, названными в конце данного издания. Здесь – чтобы все иллюстрации были доступны и тем читателям, которые откроют бесплатный фрагмент книги.

Но отмечу, что из персон, названных под занавес, Равшан Елемесов из казахстанской Караганды учился на экономическом факультете МГУ; Заур Шамиль-оглы Алиев – выпускник Бакинского университета, с ним мы подружились в Институте биохимии АН СССР в 1972 году; с Тахиром Ишанходжаевым, сотрудником Института краевой медицины, я познакомился и сблизился летом 1974-го на сенокосе, на который была отправлена группа из различных научных учреждений Ташкента.

Юрий Петрович Федулов, доктор биологических наук, профессор, проректор Краснодарского агроуниверситета, на встрече выпускников-1970 биофака МГУ, 40 лет завершению студенчества, 2010 год.

Николай Марфенин, доктор биологических наук, действующий и поныне (август 2026-го) главный научный сотрудник и заслуженный профессор биофака МГУ. Борис Мешков – справа. Он в конце книги назван уникальным. Таковым он был и в нашем студенчестве и досель остаётся неповторимым. Фото от 16 мая 2025 года, встреча выпускников.

Здесь мы на летней практике после 2-го курса. Звенигородская биостанция, лето 1967 года. В тельняшке (стоит) – это Серёжа Ременников. Старательно ведущий записи – Юра Федулов (в клетчатой рубашке, сидит). Марат Авазов – крайний слева, единственный, кто глянул в объектив фотоаппарата (кажись, случайно), да ещё и подбоченился (наверно, потому, что горделивый).

Летом 75-го Марат полетел в Краснодар. Хотел найти казачку О. Г. Трофанову, с которой был знаком два года тому назад, на исходе своего стажёрства в Институте биохимии АН СССР. Тогда она была студенткой какого-то из технических институтов Москвы. И сочиняла стихи. Справочная служба Краснодара не смогла дать ему адреса Оленьки. Но побывал у Федулова. «Что ли, у нас будет он ночевать?» – недовольным голосом спросила жена Юры (её Марат помнил: тоже с биофака, на пару курсов младше). «Да!» – коротко и твёрдо ответил муж. Позже он отпустил её, как говорится, на все четыре стороны. Ещё спустя какое-то время у него появилась настоящая *вторая половина*. С которой, как писал Юра Марату где-то в 2015-м, жил и живёт душа в душу.

А в 1975-м Марат, будучи у Юры, дал ему почитать несколько печатных страниц из книги, в которых отображены первокурсники биофака-65, доцент химфака Годнева, её дочь Жанна и влюблённый в последнюю Валерий Козырев – одногруппник Руслана Назарова. Эти страницы и названы пронзительными в авторском «Подчеркну…» в самом начале книги, ставшем дополнением и вступлением к ней в текущие августовские дни года 2026-го. И они, страницы (в книге – Часть-1, глава-11), очень понравились Юре.

В 75-м Марат виделся и с мамой Юры. «Тут в основном казаки, – говорила она, улыбаясь. – Местные пришельцев притесняют. Мы давно выдаём себя за казаков…».

Ю.П. Федулов ушёл за черту между двумя мирами 2 декабря 2023 года…

2

Вчера от сына пришла телеграмма: «Доехал хорошо Устраиваюсь Руслан».

Ах, почему она не взяла её с собой на работу?! Доставала бы время от времени, чтобы вновь и вновь убеждаться, что у сына, слава Богу, всё нормально. И ещё она всем показала бы телеграмму. Ну, как же она забыла её взять?!

Вернувшись домой пораньше, Нурия-опа никого дома не застала. Взяв со стола телеграмму, села на диван и долго смотрела в неё. Но не читала. Словно и не могла прочесть. Да и к чему ей читать? Ведь она сердцем вобрала то, что неровно отпечатано на этих двух полосочках. Глядя на них, она видит не буквы, а поезд, подходящий к вокзалу. Люди, люди, безликие люди кругом. А вот крупным планом предстаёт перед ней картина: сын выходит из вагона и почему-то улыбается.

«Тяжёлые у него были чемоданы. А на такси уж, наверно, народу много».

На этом эти кадры прервались. И другие картины из недавнего и далёкого проходят перед её глазами. Если сейчас попросить Нурию-опа пересказать эти картины, то в лучшем случае она с трудом сможет отыскать им названия. А воспоминания состояли из отрывочных слов и событий, которые тут же вызывали в ней чувства, пережитые ею в тот момент, когда всё это происходило и звучало на самом деле. Целые дни вспоминала она, если так можно назвать только ей понятный клубок мыслей и чувств, в одно мгновение, но потом самое главное из собрания своих воспоминаний переживала снова и снова.

Чуть больше месяца прошло, как Нурия-опа получила от сына предыдущую телеграмму. Она встала, отыскала в своей сумке знакомый листок и вернулась на своё место.

«Сдал отлично последний экзамен Жду комиссии Руслан».

Вместе с этой телеграммой ей принесли и приглашение на переговоры, которые были назначены через два дня. Думала: сдаст экзамены – будет спокойнее на душе. Сдал – а ожиданий, тревог, волнений только прибавилось. Ещё два дня! Скорей бы, что ли!

На переговорный пункт Нурия-опа пришла на целый час раньше назначенного времени. Каждый раз, когда раздавался звонок, напрягалась и мучительно ждала, что скажет телефонистка. Более двух часов просидела в томительном состоянии. Наконец, тишина, наступившая в небольшом зале после очередного звонка, была нарушена для неё:

— Москва! Третья кабина!

Нурия-опа вскочила, в растерянности пробежала взглядом по кабинам и неуклюже бросилась к своей. Схватила трубку двумя руками. Стук сердца отдавался в ушах.

— Алё! Руслан! Ты?! Алё!

Но голос сына сквозь шумы был едва различим. Она ещё ни слова не успела разобрать, но почувствовала, что всё завершилось благополучно. Неужели, неужели поступил?!

— Руслан! Алё! Руслан! Говори громче! Я ничего не слышу!

— Я поступил! Говорите тише, мама! Мне слышно очень хорошо, – наконец услышала Нурия-опа.

— Поступил?! – она всё ещё не смела поверить.

— Да! Да! Нас здесь задерживают дней на десять… Мама! Вы меня слышите?! Ну, что вы плачете, мама?! Не плачьте, пожалуйста!..

Нурия-опа встала, отыскала платок, вытерла глаза и снова села на диван.

Наконец, настал день, когда она обняла сына. Но Руслан через три дня уехал в небольшое путешествие. Вернулся через девять дней. А потом… Четыре дня, всего четыре дня пробыл он дома. Пронеслись в хлопотах и заботах. Нурия-опа удивлялась самой себе. Что это с ней? Радоваться надо, а она… Нет, нет! Она очень рада, благодарна, счастлива, горда. Но какое-то непонятное чувство тревожило ей сердце. Неужели, неужели её мальчик уедет далеко-далеко и будет приезжать лишь изредка в течение целых пяти лет?!

Ни поговорить она с ним не успела, как хотелось, ни наглядеться на него, а вот уже и стук колёс не слышен, и последний вагон скрылся за поворотом.

Нурия-опа снова поднесла платок к глазам.

Да, подрос её ненаглядный соколик. Подрос и не помедлил тут же улететь. Где он сейчас? Где?

Хорошим он всегда был ребёнком. Лучше всех учился. Был послушен. Трудолюбив. Жалоб на него никогда не поступало. Правда, в последние пару

лет он как-то изменился. Стал каким-то холодным, колючим, неразговорчивым и-и-и… иногда бывал таким, словно чужой. А в детские годы был таким милым, таким ласковым, таким любящим.

Однажды Нурия-опа одела сына во всё чистое. Радостный, он бегал по двору. Но вдруг его не стало слышно. Мать, оторвавшись от дел, выглянула в раскрытую дверь. Расстроенный, Руслан стоял под урючиной, крона которой бросала тень чуть ли не на треть всего двора, и слюной пытался вычистить с рубашки грязное пятно.

Улыбнулась.

«Сколько ему тогда было? Года четыре? Да, да, четыре: мы ещё жили у Курбановых…»

Хозяйская дочь, на три года старше Руслана, вечно притесняла его. То бегать по двору не разрешит, то урюк, подобранный с земли, отнимет, а то и просто ущипнёт. Руслик, как она называла в те времена сына, жаловался на девочку и говорил, что не хочет жить в городе, что уедет обратно к бабушке, что там его никто не обижает.

Мать улыбнулась опять, а потом вздохнула.

«Да, поскитались мы… А теперь сын покинул дом, такой обжитой, такой уютный. Видно, так уж устроены люди…»

Она недолго размышляла о странностях натуры человеческой. Воспоминания незаметно вновь вернули её в прошлое.

Вот Руслик сидит напротив отца.

— Ещё одну сказку расскажите.

— Я ведь рассказал.

— Ну ещё одну. Последнюю.

— Я последнюю и рассказал. Больше нету.

— Тогда расскажите про джейранов. Как вы лежали и ждали. Как джейраны приходили напиться…

— Я ведь много раз рассказывал про это.

— Ну ещё раз. Только про джейранов расскажите, и я не буду больше просить.

— Ну хорошо…

Нурия-опа вспомнила, что тогда они уже жили в своём доме.

«Руслан в школу ещё не ходил тогда. Значит, ему тогда было лет шесть. А сколько уже прошло, как мы переехали в Новый город? Семь? Да, уже семь пролетело».

Вздохнула опять.

Потом вдруг вспомнила, что Руслик, когда ему нужно было что-нибудь попросить, подходил к ней и, притворно хныча, говорил только одно:

— Мама! Ихек-ихек! Ну мама! Ихек-ихек!

Нелегко было узнать, чего же он хочет. А когда он, наконец, выдавал, то отказать уж было невозможно.

И эта милая привычка незаметно исчезла с годами. Нурия-опа никак не могла вспомнить, когда примерно произошло это. Может, в пятом классе. Может, и раньше.

Руслик стоял перед её глазами. Она даже слышала его голос.

— Мама! Ну мама!

Встрепенулась.

— Спите, что ли, мама? – перед ней стояла Синая.

— А-а… Вернулась… Где была?

— У Томки. Я ведь рассказывала, что они поехали в Ташкент. Вчера вернулись. Ей там купили блестящие туфли и вот такой бант. Капроновый. Она их завтра наденет в школу. А зато у неё портфель старый, а у меня – новый. Ей мама сказала…

— Сколько время сейчас?

— Без… тринадцати семь, – ответила дочь, взяв со стола мамины часы.

— Папа не вернулся?

— Нет ещё.

— Давай я буду кушать готовить, а ты ещё раз проверь, всё ли у тебя готово к завтрашнему дню.

3

Последний день августа. В июле было то пасмурно, то дождливо, а сейчас погода радует и чистым небом, и солнцем, и теплом.

— Внимание! Снимаю!

Щёлкнул затвор.

— Готово! – раздалось ещё одно служебное слово.

Руслан оглянулся назад. В разных одеждах, в разных позах, с разными дарами в руках, на высоких постаментах стояли разные, но одинаково золотистые девушки, купаясь в брызгах воды. А Эсен решил ещё раз посмотреть в шарики, вместившие в себя этот огромный фонтан «Дружба народов» на ВДНХ.

«Вот будет сюрприз, когда дома получат такой шарик!» – примерно такая мысль занимала обоих.

То ли случайно, то ли не случайно, но Назарова, когда он вернулся из Малчи, поселили в той же комнате, где уже проживал Эсен. Тогда Руслан вошёл, поздоровался и, увидев четырёх ребят, сразу расстроился в себе: «Неужели все будем жить в одной комнате?».

Но в следующее мгновение успокоился, заметив, что из четырёх кроватей застелена только одна.

Знакомства. Расспросы. Руслан узнал, что их, приехавших одной группой, девять человек, из которых пять девушек. Вступительные экзамены они, оказывается, сдавали в Алма-Ате в числе прочих претендентов. Москва свела их вместе, этих вчерашних школьников из разных городов и областей Казахстана. Познакомила друг с другом. Отобрала девять достойных. Которых приняла к себе и соединила между собой. И вот они в Москве. На пяти факультетах университета. В течение дня они почти не разлучались.

«Великолепная девятка», – прозвал их Руслан про себя.

Ему нравилась их спаянность. А Ержану и Тулегену он даже втайне завидовал.

В этом году на естественные факультеты Московского и Ленинградского университетов, поступать в один из которых заранее было решено у Назарова, для Узбекистана не было выделено ни одного целевого места. Прилетев в Ташкент спустя несколько дней после получения аттестата зрелости, Руслан поколебался немного: «А не податься ли в Электротехнический, или хотя бы в Пищевой». Ведь для того, чтобы сдавать экзамены в эти московские институты, не нужно было выезжать из Ташкента. Но всё-таки решился и поехал в нашу Главную Столицу. На физическом факультете его озадачило количество сданных документов. Абитуриенты, толпившиеся возле Приёмной комиссии, виделись Руслану такими уверенными в себе, а их разговоры – такими умными, что он засомневался в своей затее. Ко всему этому, его вконец расстроил один из абитуриентов.

— Ты откуда, парень, приехал? – обратился он к Руслану.

— Из Малчи.

— А где это?

— В Узбекистане.

— Не знаю. Что, решил на физфак поступать?

— Да.

— ФМШ кончал?

— А что это такое? – не понял страждущий из узбекистанской глубинки.

— Физико-математическая школа. Специальная школа такая.

— Не, у нас нет такой, в обычной школе учился.

— А что, физику здорово волокёшь? Может, победитель городской олимпиады?

— Нет.

— Тогда нечего и пробовать. Не поступишь. Сдавай документы на другой факультет. Хотя бы на биофак. Туда легче поступить. Кстати, на биофаке есть кафедра биофизики. Слышал что-нибудь про биофизику?

— А что это такое? – промолвил нехотя Назаров, чувствуя в себе нарастание внутренней тревоги.

— Это молодая наука. В биологических процессах немалая роль принадлежит таким, которые по своей сути являются физическими. Исследованием таких процессов и занимается биофизика. Я сам в своё время хотел стать биофизиком. Но закрутилось так, что передумал.

— Так ты абитуриент или студент? – оживился немного Руслан.

— Студент, – довольно улыбнулся незнакомец. – Теперь уже второго курса. Я уж по опыту знаю, кто поступит, а кто – нет. Сам два раза поступал. Так что, парень, давай на биофак.

— Я на физфак хочу, – сказал Назаров, думая о чём-то своём.

— Все хотят! Но тут не тот вектор, с которым может слиться скаляр: «Хотеть – не вредно!». Как раз-таки велика вероятность обратного: «Вредно!». Сюда поступают только выпускники ФМШ, участники республиканских и всесоюзных олимпиад, медалисты. А может, и у тебя есть медаль?

— Есть.

— Тут она тебе не поможет. Знаем мы ваши медали!

— Откуда ты взялся, такой всезнайка? – разозлился вдруг Руслан.

— Ишь ты! – *всезнайка*, видно, не ожидал такого оборота.

Назаров резко повернулся и направился к выходу. Вышел из здания. Ни торжественные голубые ели, ни красивые клумбы цветов, ни прохладный ветерок, ни девушки, – ничто не притягивало его внимания.

«Что же делать? Ведь прав этот студент. Провалюсь на первом же экзамене. Вот будет позору, когда вернусь в Малчи! Может, пока не поздно, вернуться в Ташкент и поступать в Ленинградский электротехнический? Должен же я непременно куда-нибудь поступить! Чтобы домой не возвратиться! Тогда зачем было ехать в Москву? Если провалюсь здесь, в Ташкент ещё успею. Ведь там экзамены только в августе. А может, попробовать на биофак? Туда, наверное, в самом деле легче прорваться. Говорит же всезнайка, что там есть биофизика. Занимается, оказывается, именно физическими процессами», – Руслан медленно ходил вокруг Главного здания и думал, думал, думал. Он, было, пошёл на третий круг, но остановился у зоны «Б».

«Пойду-ка на биофак. Там посмотрю. Может, сдам документы», – решил Назаров и зашагал в сторону, в которой, согласно указателю, замеченному им у противоположной зоны «В», находился биолого-почвенный факультет.

Люди, деревья, машины, ограда, ворота были для него сейчас лишь объектами и предметами окружающего мира. Его отношение к ним было, скорее, подсознательным, чем осознанным: не натыкался ни на кого и ни на что, пропустил автобус, переходя дорогу, прошёл через один из боковых проходов, а не упёрся в решётчатые ворота, которые находятся посередине и закрыты. Мысли же его всё заняты решением проблемы важной, трудной, противоречивой.

Но вдруг из окружающего мира к нему сумело прорваться одно слово и, вызвав резонансный ответ в его сознании, в одно мгновение развеяло его внешнюю рассеянность. Оглянулся. Несомненно, слово было произнесено одной из девушек, которых он только что обогнал. Сделав вид, что о чём-то вспомнил, остановился, пропустил девушек вперёд, а потом, пользуясь тем, что навстречу и сзади двигалось много народу, шёл то рядом с ними, то на шаг от них.

— Брат не советует мне идти на биофизику, – говорила девушка в красном кожаном пальто.

— Почему? – спросила другая в тёмно-зелёном болоньевом плаще.

— Трудно учиться, говорит. Не для девушек, говорит, эта кафедра.

— А ему нравится?

— Ещё бы! Спит и видит свои фотоны-электроны! Он рассказывал, что, когда ещё был студентом, на их кафедре почти не было девчонок. А сейчас – стало больше.

— Умудряются пролезть?

— Да. Но их мало всё-таки. В основном ребята. Брат так гордится этим.

— Можно подумать!

Девушки повернули налево. И указатель был направлен туда же. Впереди в виде огромной буквы «П» раскинулось серое здание.

«Не такое, как физфак и химфак», – подумал Руслан, отстав от путеводительниц. – «Что же всё-таки делать? Куда сдать документы? На биофак, что ли? Поступлю – хорошо. Если не понравится – на следующий год буду сдавать на физфак», – с такими мыслями он очутился возле Приёмной комиссии. В нерешительности потоптался у входа.

— Документы хотите сдать, молодой человек? – услышал он и увидел дежурного.

— Да.

— Заходите, не стесняйтесь.

Потом, когда в списки поступивших стояло несомненное: Назаров Р.Г., – когда все страсти были позади, когда на смену длительному напряжению пришла радость, весьма скоро вытесненная усталостью, тайное сожаление закрадывалось иногда в душу: «Зря не решился. Может, и на физфак поступил бы». Поэтому он и завидует Ержану и Тулегену. Ведь они будут учиться на физическом факультете.

Руслан! Не стоит озираться на судьбу чужую! Судьба – у каждого своя! Не пройдёт и недели после начала занятий, как Тулеген неожиданно уедет домой и больше не вернётся. А Ержан женится через два года и переведётся в Алма-Атинский университет.

Вернёмся к нашим героям. Они возвращаются в общежитие. Вот они вышли из метро.

— Здравствуй! – обратился к кому-то Назаров.

— А-а, привет! Поступил? – это был тот самый *всезнайка*, отговоривший Руслана от физфака.

— Да.

— Куда?

— На биофак.

— Ну вот, видишь.

— Что видишь-то? Думаешь, на биофак легко поступить?

— Не думаю. Я ведь первый раз на биофак поступал, – засмеялся второкурсник физфака.

— Да?! – удивился Руслан, а в его душе шевельнулись довольство и радость.

— Точно! Но на физфак всё-таки труднее поступить. И вообще, физфак есть физфак. Ну, счастливо!

— До свиданья, – сказал Руслан, попрощавшись и с *всезнайкой*, и со своими чувствами, которые появились, лишь на мгновение задержались в его груди, а в следующую минуту – их как будто и не бывало.

Руслан и Эсен подходили к своему корпусу. В это время из столовой вышли остальные члены *девятки*. Эсен, увидев их, пошёл им навстречу.

— Ты где пропадаешь? – обратился к нему Ержан. – Целый день тебя ждём. Даже обедать припозднились, только теперь и сходили.

— Мы были на ВДНХ, – улыбнулся Эсен.

Назаров вошёл в корпус.

«Его ждут. О нём беспокоятся», – подумал он.

Ключа от комнаты на месте не было.

— Наверное, там кто-то есть, – сказала вахтёрша.

«Жаль, что я один здесь. Была бы такая же группа из Узбекистана, мы бы тоже всегда держались бы вместе», – думал Руслан, поднимаясь на свой этаж.

Напрасно грустишь, мой друг. В этих ребятах завтра начнутся изменения, пусть вначале и незаметные. Не пройдёт и месяца, как большинство из них будет встречаться только случайно. Странно! В чём причина того, что люди, которым, казалось бы, всеми условиями и обстоятельствами предопределено быть вместе, так легко теряют друг друга?! Всю жизнь мы ищем себе друзей. Кто может понять, по каким законам находим?! Кто может объяснить, почему сегодня у нас взаимная тяга, а завтра – её будто и не было?!

В комнате жильцы отсутствовали. Но была застелена ещё одна кровать. Дверь отворилась и вошёл новый сожитель. В очках. С полотенцем на шее. В майке.

«Толстяк», – тут же обозвал его Назаров про себя.

— Здравствуйте! Значит, будем вместе жить? Меня зовут Яша.